

УДК 124.51

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИИ НА ИЗМЕНЕНИЕ МЕНТАЛИТЕТА (НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА)

Ашхамахова Асиет Аскеровна
д.филол.н., профессор

Сергиенко Нина Леонидовна
д.филол.н., профессор

Ашхамаф Айтэч Русланович
к.филол.н., преподаватель
Кубанский государственный аграрный университет, Краснодар, Россия

На основе анализа отечественной литературы, посвященной проблемам миграции народов Северного Кавказа, авторы делают вывод о том, что в результате миграции горцев во многом меняется этнодемографическая ситуация, происходит перестройка этнического и культурного облика переселенцев, что, в свою очередь, повлияло на эволюцию менталитета горцев. Диалог с новыми соседями во многом носил взаимообогащающий характер. Цель данной статьи – выявить влияние миграции на изменение менталитета северокавказских народов

Ключевые слова: МЕНТАЛИТЕТ, МИГРАЦИЯ, ВЕРТИКАЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ, ГОРИЗОНТАЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ, ДЕПОРТАЦИЯ

UDC 124.51

IMPACT OF MIGRATION ON THE CHANGE OF MENTALITY (ON THE EXAMPLE OF THE NORTHERN CAUCASUS)

Ashkhamahova Asiet Askerovna
Dr.Sci.Philos., professor

Sergeenko Nina Leonidovna
Dr.Sci.Philos., professor

Ashkhamaf Aytech Ruslanovich
Cand.Philos.Sci., lecturer
Kuban State Agricultural University, Krasnodar, Russia

Based on the analysis of the national literature about the migration of the peoples of the North Caucasus, the author concludes that the migration of highland people is changing in many ways the ethno-demographic situation; changing ethnic and cultural image of immigrants, which, in turn, influenced the evolution of mentalities of highlanders. The dialogue with the new neighbors had mutually enriching character in general. The purpose of this article is to identify the impact of the migration on changing of the mentality of the peoples of the North Caucasus

Keywords: MENTALITY, MIGRATION, VERTICAL MIGRATION, EPORTATION, HORIZONTAL MIGRATION, DEPORTATION

Формирование большинства современных народов Кавказа происходило в средние века в результате синтеза автохтонных кавказских субстратов с миграционными потомками.

Существуют различные точки зрения на изменение менталитета в связи с миграцией этнических общностей. В результате миграции народов Кавказа на равнину произошла огромная перестройка этнического и этнокультурного облика переселенцев, во многом меняется этнодемографическая ситуация в горах и на равнине. Исследователь Н. Г. Волкова считает, что «уход населения гор ведет к разрушению особой модели традиционной культуры – горской. Утрата невозполнимая. На равнине иная модель культуры, иной комплекс традиций» [1].

Другие ученые не столь категоричны в своих выводах и полагают, что горцы, переселяясь на равнину, в основном сохранили свою традиционную культуру и менталитет.

Мы, однако, считаем, что на изменение ментальности горских народов Северного Кавказа во многом повлияли массовые миграции горцев на равнину, начавшиеся с конца XVII в. Этот процесс был обусловлен рядом причин, важнейшими из которых являлись малоземелье горных областей региона, войны, стихийные бедствия, кровная месть и др.

На Северном Кавказе наиболее активно мигрировали осетины, постоянно переселявшиеся на Владикавказскую равнину. Здесь в течение XIX и в начале XX в. они образовали несколько десятков населенных пунктов: Суадаг, Фиаг, Ногкау, Дзуарикау, Ардон, Салугардон, Вольно-Христианское, Вольно-Магометановское, Брут, Хумалаг и др. Безземельные жители Горного Карачая в 1860-е годы переселились в предгорье, где возникли селения Даут, Теберда, Джазлык и ряд хуторов (в Малом Карачае). В 1868 г. здесь жило около тысячи человек [2].

К началу XX в. население Аваристана снижалось из-за эмиграции на Ближний Восток и расселения в соседние горские области, на равнину и в города. Переселявшиеся, теряя связь с горным ландшафтом, осваивали новые формы деятельности, тем самым расширяли свой кругозор, однако сохраняли и развивали свою целостность. Надо отметить, что у аварцев сильнее, чем у других народов Дагестана, развито чувство коллективной сплоченности и взаимовыручки. В связи с этим каждая переселившаяся семья и в целом род являлись центром сплочения, «аваризации» жизненного окружения как продолжения горского образа жизни.

На миграцию оказывала влияние ментальность горцев. Она нередко тормозила переселение их на равнину (привязанность к родине предков, к привычному образу жизни). Это входило в противоречие с другими причинами – социально-экономическими, социально-бытовыми, культурными.

Наконец, постоянно действовавшей причиной вертикальных миграций всегда были природно-географические условия, а также различные стихийные бедствия: землетрясения, снежные лавины и т. п.

Кроме того, малоземелье не обеспечивало достаточной трудовой занятости взрослого горского населения, что рождало особый вид миграций – маятниковые. Из многих районов Кавказа горцы (в основном мужчины) уходили на сезонные работы в равнинные области региона и даже за его пределы. Не менее важную роль в миграциях играли социально-политические причины: войны, набеги, междоусобицы, некоторые пережитки патриархального горского быта, как, например, кровная месть. Такого рода причины действовали на Кавказе главным образом в дореформенное время, т. е. до 70-х годов XIX в., когда для многих районов региона было характерно нестабильное политическое положение. Так, поражение в Кавказской войне обернулось катастрофой для кавказской горской цивилизации, ее ландшафтного месторазвития, а традиционная культура подверглась значительной трансформации (чего избежали Грузия и Армения) [3].

После переселения части адыгов, абазин, убыхов в Турцию и страны Ближнего Востока, к концу 60-х годов XIX в. горная полоса Черкесии опустела. Начиная с 70-х годов XIX в. этническая картина населения резко меняется.

Обезлюдела земля и по Черноморскому побережью Кавказа почти до реки Бзыби. В эти районы царское правительство начинает поселять русских, украинцев, греков, чехов, молдаван, эстонцев, несколько позднее – армян. В Закубанье возникло 111 станиц [5]. С конца 60-х годов в эти же районы начинают вновь поселяться адыги, выходцы с гор. Шапсуги, а также хакучи преимущественно селились в селах Лесном, Божьей Воде и Александровском, позже – в Большом Кичмае. Здесь сохранились в основном горские быт, обстановка жилищ, социальные отношения, этикет.

В 80–90 годы XIX в. жители многих аулов, которые занимали плодородные места (Джанкятовский, Натырбовский и др.) были выселены на равнины, в болотистые места, разделены на части и вкраплены в различные административные образования Кубанского казачьего войска. Оставшиеся на Родине адыги сразу превратились в «инородцев», т. е. людей без родины. Над ними стояли назначаемые царскими властями участковые начальники, которые подчинялись помощникам атаманов отделов по управлению горцами. Для «инородцев» была установлена так называемая система военно-народного управления. Она выражалась в совмещении в одних руках военной и гражданской власти, в особых привилегиях царских чиновников на окраинах (в районах, населенных «инородцами»), в почти полной бесконтрольности их действий, в фактическом наделении их неограниченной законами властью над горцами.

Адыгский крестьянин был лишен права свободного перемещения. Выезд за пределы своего населенного пункта разрешался по особым билетам, выдаваемым старшиной. В билете, помимо фамилии, имени и отчества, указывались возраст, рост, описание лица, цвет волос и глаз, форма и размер носа, форма рта и подбородка, а также особые приметы. Сам билет и его содержание были оскорбительными. Адыг был на положении человека, постоянно находившегося под надзором полиции. В билете на отлучку указывалось, куда и на какой срок ему разрешается отлучиться и что он должен точно вовремя доложить в аульное правление о своем возвращении. За нарушение этих правил, адыг подвергался соответствующему наказанию – штрафам [4].

Первые признаки регрессии в духовной жизни народов Северного Кавказа дали о себе знать во время Кавказской войны и в послевоенное время. Под влиянием стрессов северокавказские народы постепенно стали скатываться с таким трудом достигнутых высот духовной жизни. «Общественное здание», не выдержав напряжения, дало трещины, сквозь которые

то там, то здесь стала пробиваться поросль примитивных инстинктов и ворований.

К началу XX в. Северный Кавказ был в значительной степени интегрирован в социокультурную систему Российской империи. О сообществе горцев в советский период можно говорить как о северокавказской (южно-русской) субцивилизации в рамках советской модели индустриального общества [5].

С установлением на Северном Кавказе советской власти переселения безземельных горцев на равнину приняли еще более широкие масштабы.

В первые годы часть таких миграций происходила как стихийно, так и по плану. В Дагестане, например, до 1924 г. переселенцы стихийно образовали на равнине 57 населенных пунктов. В 30-е годы продолжались традиционные для Дагестана миграции рутульцев и лезгин в Азербайджанскую ССР. На Северном Кавказе уже в 1920 г., до проведения в крае землеустроительных работ, жители горных населенных пунктов стихийно начали переселяться на равнину. Только в Северной Осетии в период 1920–1924 гг. таким образом устроилось около 18 тыс. безземельных горцев.

Политическая депортация ингушей и чеченцев, проведенная советским правительством в феврале 1944 г., также сильно повлияла на ход этнических процессов на Северном Кавказе. В то же время в Дагестане созданный духовенством порядок жизни был разрушен, а само оно почти уничтожено. Деисламизация в Дагестане проходила параллельно с дехристианизацией в России. Лидером в управлении экономической и социально-культурной жизнью в Дагестане стала советская номенклатура. Активными сторонниками большевистской власти стали кумыки. К 60-м годам Дагестан был сильно перенаселен, возникла угроза голода, начался стихийный отток горцев на равнину.

В 1951 г. в Дагестане принят пятилетний план внутривнутриреспубликанских переселений, по которому намечались миграции в равнинные области 10 тыс. хозяйств из малоземельных горных районов. Первоначально это были главным образом выходцы из Южного Дагестана: лезгины, рутульцы, агулы, табасаранцы, меньше – жители других горных областей: аварцы, андийцы, лакцы. Горцы устраивались в Хасавюртовском, Бабаюртовском, Магарамкентском и Дербентском районах. Интенсивные переселения с гор осуществлялись в Дагестане и в дальнейшем. В 1965–1977 гг. на равнину переселилось 8 тыс. хозяйств, частично устроенных в старых населенных пунктах (например, в кумыкских – Аксай, Костек), частично создавших новые селения (Куруш, Новое Викри и др.) [6].

В советские годы социально-политические причины как побудительные к миграциям горцев на равнину полностью отпали, зато все большую роль в этом плане стали играть социально-бытовые причины, важнейшей из которых всегда было бездорожье. Отсутствие в горах хороших дорог, затрудненность постоянных контактов населения гор и равнины, длительная изолированность в горных областях в зимнее время – все это способствовало движению горцев в равнинные области края. В 80-е годы все большее значение имели такие социально-бытовые причины, как благоустроенность населенных пунктов, наличие в них электричества, телевидения, культурно-бытовых учреждений (школ, больниц, кинотеатров) и т. п.

Переселение горцев на равнину имело важнейшие последствия для этнокультурного развития. На новых местах жительства горцы-переселенцы вступали в этнокультурные контакты с местным населением. Однако не всегда этот процесс (как и адаптация к природно-климатическим условиям) проходил гладко. Нередко, особенно при плановых переселениях, не учитывалась специфика новой среды обитания, не прогнозировались возможности и результаты процесса адаптации горцев в

местных условиях. На равнине переселенцы в основном оказывались в районах, весьма отличных от исходных областей миграции по социально-экологическим, этнокультурным, природно-климатическим особенностям. Нередко это были степные области с жарким сухим климатом, еще мало освоенные в хозяйственном отношении.

Сложности природно-климатической и хозяйственной адаптации видны на примере даргинцев – переселенцев из горного с. Урахи. С 1921 г. безземельные жители этого села начали осваивать местность Мамай-Кутан в Дербентском районе. Из-за тяжелого климата, малярии они переселялись поэтапно. Сначала урахинцы спускались вниз для различных сельскохозяйственных работ (вспашка, посев, уборка урожая), по окончании которых возвращались в горы. Со временем в уже знакомые места на постоянное жительство переселилась часть населения Урахи, а в 1929 г. – все его жители. Однако из-за тяжелого климата равнинных областей, сложности хозяйственной адаптации многие горцы возвращались обратно. Конечно, большую роль сыграл традиционный менталитет, активно проявляющийся в среде переселенцев и выражающийся в привязанности к родным местам, родине предков, традиционному образу жизни, природно-климатическим условиям гор. Наиболее ощутимо влияние менталитета в старших возрастных группах мигрантов. Поэтому представители старшего поколения не хотят переселяться на равнину, а, уехав, не могут привыкнуть к новым, нередко не подходящим для горцев природно-климатическим условиям, к худшему качеству питьевой воды, менее чистому воздуху; у них очень сложно протекает и процесс хозяйственной адаптации.

В отчете комиссии по исследованию свободных земель Черноморского округа за 1880 г. Ф. Гейдук пишет: «...шапсуги и хакучинцы, которые в конце Кавказской войны были отсюда переселены в прикубанские равнины, не перестают тосковать по своей родине, по любимым горам, где жили их отцы и деды, и где они сами провели свое детство. На берегах Ку-

бани и ее протоках им были отведены прекрасные, хлебородные места, но горные тущобы южного склона им кажутся несравненно красивее, привлекательнее и удобнее. Сынам гор тесно в широкой степи, там не шумят горные потоки, вода там мутна, болотиста, летний зной превращает все поля скучной равнины в однообразную бурую пустошь, где под палящими лучами солнца укрыться негде, жажду утолить нечем. А в горах совсем иначе. Все места, как бы круты они не были, кажутся им удобными настолько, что лучших и желать нельзя, ибо там, по их мнению, всего в обилии: «и винограду, и меду, и орехов, и каштанов, топлива, ягод, чистой холодной воды, да чего же там нет?» [7].

Изменения в культурно-бытовой сфере мигрантов происходят в основном по двум направлениям: группы, осевшие в родственной им этнической среде, утрачивают локально-специфические черты культуры, некоторые языковые особенности. Этнокультурный облик мигрантов, оказавшихся в иноэтничном окружении, меняется более ощутимо. Но в среде переселенцев происходит не только этнокультурная адаптация: горцы становятся участниками интенсивных процессов консолидации и ассимиляции, протекающих с разной степенью интенсивности.

Среди горцев, миграции которых происходили в пределах своего этноса, усиливались процессы консолидации: стирались диалектные особенности языков, исчезала некоторая локальность в самосознании, происходило существенное нивелирование бытовой культуры. Примеры таких процессов нередки в Адыгее, где на равнине оказались разные этнические и локальные общности адыгского этноса.

В случае миграции горцев в иную этническую среду имеет место этническая ассимиляция: мигранты утрачивают родной язык, самосознание, черты традиционной культуры, усваивая чужую. Так, группы осетин, переселившиеся на южные склоны Большого Кавказа, в течение веков спускались в предгорье и равнинные области Грузии. Постепенно они утратили

свои традиции, родной язык, этническое самосознание. То же произошло и с отдельными группами осетин, живущих в настоящее время в равнинно-предгорной зоне Лениногорского района: они слились с местным грузинским населением: они говорят только по-грузински, осознают себя грузинами. Единственно, что связывает их с осетинским этносом, – это сознание своего происхождения, хранимое в памяти.

Переселение горцев на равнину приводит и к другим существенным изменениям: расширению этнических территорий народов, изменению этнического состава населения равнинных областей и картины расселения этнографических групп коренного этноса. В 1920-е годы карачаевцы, получив земли на равнине, образовали несколько населенных пунктов и значительно расширили свою этническую территорию. Такой же процесс в течение всего XIX в. и в 1920-е годы XX в. происходил в Осетии.

В Дагестане расселение на равнине даргинцев, лезгин, лакцев, аварцев и андийцев изменило этнический состав населения многих районов этого края. Переселявшееся население не сразу налаживали нормальную жизнь, а значит, многое из старых связей теряли, а новых еще не образовались. Это приводит к отрыву части населения от своих корней, установлению контактов с такими же переселенцами с других краев и фактической деэтнизации. Ее необходимо рассматривать здесь как процесс разрушения связей между компонентами этнических систем и вообще выпадении каких бы то ни было этнических процессов. Центрами деэтнизации в Дагестане стали города и вообще территория равнинных районов.

В свою очередь, деэтнизированная часть населения со временем повторно становилась объектом упорядочивания со стороны своих родственников.

Надо отметить, что в этот период на равнине особенное значение принял исламский фактор, влияние которого в общине отличалось от влияния религии в горах. Горское духовенство со временем стало эмиссаром

«равнинного». В целом в Дагестане, несмотря на усложняющиеся процессы, ислам стал консолидирующим фактором социально-политической жизни не только внутри каждой народности – аварцев, кумыков, даргинцев, но между этими народами.

Миграции с гор на равнину приводят и к большим этнодемографическим изменениям: численность населения резко уменьшается в горах и возрастает на равнине. На Северном Кавказе некоторые горные районы почти обезлюдели еще в 1920-е годы. В горах Ингушетии, например, в 1920 г. жило около 14% всего населения. В Карачае в 1916–1926 гг. на равнину переселились 64% жителей горных населенных пунктов. В 30-е годы в горах Северной Осетии было более 5% осетинского населения республики[8].

Этнокультурные изменения в среде горцев-переселенцев затронули все сферы жизни: хозяйственный уклад, формы поселений и жилища, систему питания горцев. Несмотря на консервативность в пищевых пристрастиях, горская кухня переселенцев во многом стала разнообразней. К блюдам кавказской кухни добавились борщ, супы, котлеты, жареный картофель, пельмени, салаты и пр.

Одежда же горцев-мигрантов не менялась: «Черкеска всему Кавказу подошла». Со временем мужчины приобрели на выход «европейский костюм», но при этом носили элементы национальной одежды – пояс, национальную шапку, рубашку. Женщины носили платок, шарф, серебряный пояс и т. д. Все это являлось как бы этикеткой, отличительным знаком своего народа.

В то же время одна из важных составляющих менталитета – традиции и обычаи – оказались весьма стабильными, особенно такой обычай, как взаимопомощь, который охватывал все сферы быта – от строительства дома до свадьбы и похорон. По-прежнему сильны традиции гостеприимства, почитания старших, этикета застолья.

В связи с миграцией горцев на равнину изменению подверглось и языковое общение. Для горцев Кавказа двуязычие и многоязычие является традиционным. Кавказовед Л. И. Лавров выявил на Кавказе вертикальную зональность распространения этого явления. Например, горцы Балкарии, как правило, чаще знали язык соседнего населения степной Кабарды, нежели наоборот; лезгины среднего и нижнего течения рек Самура и Курах-Чая знают азербайджанский язык; рутульцы, обитающие выше лезгин, знают азербайджанский и лезгинский; цахуры, живущие еще выше, чем рутульцы, часто знают азербайджанский, лезгинский и рутульский языки [9].

В результате миграции в X–XV вв. армяне, поселившись среди черкесов, адаптировались: освоили их язык, формы ведения хозяйства, технологии строительства жилья. Позже во многом восприняли традиции и обычаи адыгов: куначество, аталычество, обычай кровной мести. В результате сформировалась новая этническая общность черкесогаи.

Таким образом, в результате миграции горцев во многом меняется этнодемографическая ситуация, происходит перестройка этнического и культурного облика переселенцев, что, в свою очередь, повлияло на эволюцию менталитета горцев. В основном это происходило как расширение его рамок: диалог с новыми соседями во многом носил взаимообогащающий характер. Но в то же время общение имело и отрицательные последствия. Некоторая часть горской молодежи, потеряв «пристальный взгляд» малого социума своего аула или села, переселившись в город, утратила такие черты горского характера, как скромность и вежливость.

Литература

1. Волкова Н. Г. Миграция и этнокультурная адаптация горцев в условиях равнинного Кавказа (XIX–XX вв.). 1988. Вып. 18. М., С. 140.
2. ГАКК. Ф. 774. ОП.2. Д.116. Л.75. 139.
3. Ханыху Р. Традиционная культура Северного Кавказа: вызовы времени (социально-философский анализ). Ростов-н/Д, 2001. С. 76.
4. Аутлев М. Адыги. Майкоп, 1957. С. 32.

5. Черноус В. В. Кавказ – контактная зона цивилизаций и культур // Науч. мысль Кавказа. Ростов-н/Д, 2000. № 2. С. 33.
6. Ибрагимов М.-Р. А. Изменения в расселение народов Дагестана в связи с переселенческим движением. Махачкала, 1981. С. 10–14.
7. Архив ценных книг КубГАУ. Отчет комиссии по исследованию свободных земель Черноморского округа за 1880 год. (Сост. Ф. Гейдук). С. 339.
8. Волкова Н. Г. Миграция и этнокультурная адаптация горцев в условиях равнинного Кавказа (XIX–XX вв.). Расы и народы // Современ. этнич. и расовые проблемы. Вып. 18. М., 1988. С. 139.
9. Лавров Л. И. Роль естественно-географических факторов в истории народов Кавказа // Кавказ. этнограф. сб., Т. IX. М., 1989. С. 3.